

МЕМУАРИИ.
1919г.НОЯБРЬ.
Е.ШИЛЛИНГ.

(Русско-финская граница, Красная армия.)

9 ноября, суббота.

ик.Б.М.Скоропослушницы.

Какая дистанция! Какая деталь в бездне.Какое блистание трещины в обрыве, покрытом копотью.В прошлом году в этот день я потерял осеннюю перчатку в монастыре на Никольской.Снега не было.Глуп я был, горд и кощунствовал.День попал под колеса и исковеркался, как это здесь у меня обычно.Жил крохами вчерашнего именинного пирога.А прошлый год, прошлый год!Как я был богат.И вот за это каторга.Прачку пощадит мамочка, только мамочка.Где же истина? Что за истина?Что есть преступление и наказание?

Книжка или картинка, попавшая, как проблеск в мои потемки, внезапно остро перенесла меня в Москву, к отцу, к жизни прекрасной, жизни завидной.А в остальном даже забыл, что суббота.Вот когда настало время крикнуть miserere!Но басня о пастушке жива.Мера за меру.Но есть ли преступление? Есть ли наказание, мамочка моя?

10 ноября, воскресенье.

Переезжаем в деревню Токсово.Снега ослепительны; бодрит.Против горячей печки зияет дверь и холодный воздух бежит.Два воза тянутся по ущельям.В деревне сумерки.В комнатах холод.Чайная полна народу.Надо рубить, вставлять рамы, топить,носить и т.д.Мое неумение настолько томит меня, о, очень томит.Все вообще валится.Не верю в работу.Холодно внутри.Кошмар.Но что такое кошмар? И вновь я плыву, плыву.А впереди нескончаемость.Вечером идем на станцию.Дорога освежает,ободряет.Мягко, тепло, снег,контуры.Переживаемость тоже призрак, тоже сон.Где же истина?Что есть истина?Читаю Евангелии сегодня и за 8 ноября.8 ноября - ангельское достоинство человека.За сегодня - обычная радость на утрени и чуда покрова.Ангельское достоинство целует моего отца.

Дни коротки, как Тришкины рукава.Снегири, как звезды, как ясное утешение.

Понедельник.11 ноября.

Хочу действовать, как Мартин Иден,но дальше разбора ящика с книгами, уборки, двух-трех бумажек и скуластого моего обеда дело не идет.Вот сумерки.День догорает.В 4 ч.в ноябрьском свете сумерек мы идем за продуктами на станцию.Устал всячески.Где Иден?Приходим домой в 9.Матвеев откомандирован.У нас бардак.Работать нельзя.Но я спокоен, спокоен, спокоен.

Вторник. 12 ноября.

Сумерки утра смотрят в тройное окно, прямо в мои пробудившиеся зеницы.Мне становится страшно странным страхом: что я буду есть в этой пустыне, если лишусь пайка.Нелепость уравнивается

исключительным голодом края и всяческим банкротством, начиная от керосина.

День проходит быстро и кошмарно. В среде разложение, ссоры. Я как "рыцарь бедный" все об одном, все об одном. К вечеру идем на станцию с М. По возвращении оказывается, что пришла бумажка об назначении М в бригаду. Кругом беспорядок всяческий, шкалик коптит. Ложусь спать и прижимаю к груди мамочкину "нечаянную радость".

Среда, 13 ноября.

Иоанна Златоуста, а я не знаю и не чую. Нас двое с Вавиловым, тише и сокоинее. В коммунистич. клубе в доме пастера нахожу библиотеку, беру Флобера и Шиллера. Дом уютный. Все мне напоминает что-то. Все я вижу что-то, чего нет, но что мое и чего чаю алчно. Видел сон: мамочку видел, что будто она подарила мне ящик папирос и ящик махорки.

Хороши здесь пейзажи с обрывами, елками, соснами и с призрачными сумерками чуть ли не с утра; напоминает "Лебединое озеро".

Вечером, по приходе со станции у пылающей печки читаю "Вильгельм Телля" и "Сантим вос...". На душе спокойнее. Вечером здесь легче. Ноябрь теряет смысл, но в глубине он тот же, все тот же и страшный и милый. "Нечаянная радость", как легкое святое дуновение. Оно со мной.

Четверг. 14 ноября.

Ап. Филиппа. Видел во сне мамочку и внезапно наступивший праздник. Светит солнце. Тепло. И снова это напоминает что-то мое, что-то милое. День горит в мелочах, в готовке. Постоянные воспоминания меня посещают. Буду их обозначать впредь знаком ->; это род ассоциаций. Например, отсвет снега на полу ->. Кудринская площадь в Москве. Проходят сумерки. Остаюсь один в комнате со судной печкой. Читать нельзя. В и С. пошли играть на рояли. (для концерта)

Снова поднимается тоска, как понятны мне слова: "Боже мой, Боже мой, вскую оставил меня". Одиночества мука горчайшая. Возгласы невольно вырываются из груди и голова жметя к теплой печке. Когда иду на станцию один, все думаю о Москве и о себе - надо верить в Бога, надо работать над собой. И снова -> у них обед, у них вечер, они говорят. Иногда иду с закрытыми глазами и тогда весь я там вдали до ясновидения. Зенит мой зенит я вполне сознал тебя во мне и мою в тебе скудость, скудость последнюю, но все же я не безнадежен, меня утешают свиданье, два-три часа на своей постели, мамочка и ея полотенце и т.п. - вот я и спасен в зените моем. Вперед стараюсь не глядеть - иначе ужас долгой тьмы угнетает. Мучает мысль: Сам виноват! Сам виноват! Сам виноват!

Сегодня заговение на Рождественский пост, престол в одном из Кремлевских Соборов -> ОТЕЦ! - вот и заговенье мое. А праздник жутко шуршит за ширмами. Читаю "Телля".

15 ноября, пятница.

Начало поста.

Ночью было великолепно. Под утро видел сон, что стою у приоткрытой двери и прощаюсь с мамочкой и слезы текут неудержимо по щекам. "Как осенний дождь". Просыпаюсь и начинаю одеваться, а слезы еще льют из глаз. Ночью видел во сне, что все мы - я, братья и родители идем в баню. Баня, как целый город. Хожу долго с отцом, а там, внизу где-то мамочка и Коля. Видел также, что сломал зуб. Утром была тоска.

День не оставляет следа. Оставляет след сон, будто это подарок, будто это со мной. Вечером приду со станции, читаю "Телля", и это оставляет след, - будто и это подарок, и это что-то со мной, тем более, что здешние ландшафты имеют что-то общее со швейцарскими.

Снег! Туман! Иней! Зима!

И во всем уголок, уголок у лампы с зеленым абажуром, и полотно у изголовья. О, дорогие мои.

Читали стихи Ефремова о воинах и пророчествах смерти. Стихи средние, но теперь они близки, понятны и страшны.

16 ноября, суббота.

Еванг. Матфея, я ж и не чую. Спать было тепло. Настроенье доброе со стрелой в сердце. Белая зима. Мельница. Перемолим пшеницу на ней. Мельница и ветки в инее. А я и не чую. Но осадок есть, а с осадком - воспоминания детства - ежедневно тогда мы с мамочкой ходили в магазин Келера, скромно, пешком, вдвоем, как будто нас с ней всего навсего двое в мире. И вот однажды, когда нам надо было уже идти, приходит дядя Х и приглашает меня кататься на извозчике. Соблазн большой, я соглашаюсь, а мамочка уходит одна. Только что мы сели в экипаж, я почувствовал всю невыгодность моего обмена, несмотря на то, что это экипаж и редкое удовольствие. В горле что-то застряло и так и осталось на всю жизнь в моем горле задоринка о мамочке и в дни ненастья в черные она играет в горле. Так и здесь она во мне и даже сама мамочка во мне тайной подымается, осаждает приливами нежного моря меня, час от часу в кратких перепетиях дня.

После обеда мы с В. идем за молоком. Ходим по ледяным горам, скользким, хватаем за сучья, а кругом снежная зима, зима ноября.

Ноябрь! Ноябрь! Кричу я. Как Пер Гюнт, как Журавль прилетевший к родным местам издалека. Мгла, туман в зарождении сумерек. Пустыня! Здесь можно погибнуть.

Не всегда так будет. Вечером у печки читаю "Телля", думаю о субботе. Уголя красны, свет красен. Приходят актеры из рот и долго сидят у нас. Засыпаю с розой на груди и ея "нечаянной радостью".

Воскресенье. 17/IX.

Назначен концерт. С утра хлопоты - мельница, штаб, лампы, ключи, конная разведка, уборка зрительного зала. Все готово. Внезапно приходит приказ Военкома - концерт отменить. В комнате собирается народ, суета. Приезжает Левитен. Он бригадный инструктор и поднимает смуту. 2й полк в бою. Тревожно. Сумерками расходятся. Я

безучастен. Сумерками начался наш запоздалый, скудный обед. Когда совсем стемнело и керосин из нашего шкалика совсем иссяк, говорили мы с Л.о моей неудаче с Политотделом 7 армии: он обо мне наведывался, ему сказали про меня - нам не подходит этот "специалист не ест руками". Я вспоминаю, в какой агонии был я тогда, каким должно быть дураком показался, и что же? Мне ведь 27 лет, я не мальчик. Эта глупость, эта агония непростительна. Человек ли я? Нет, ещё и ещё убеждаюсь, что я андерсеновская прачка. Как старо и как скучно. Как ответствен я перед моими, перед собой. От стыда и муки внезапной и острой весь затылок и шею как бы обдаёт кипятком, и я сию притаившись, давая этой боли окончиться.

Вечером идем к Щеглову и сидим до 12 часа за чайным столом. Жутко мне отовсюду. Утром, когда шел в ком.конных разведчиков собрался с силами, о воскресном дне молился нечаянной радости. Среди дня в горле заиграла задоринка о моей мамочке и о всех. Закрыв глаза и перевел дух. Ничто меня не смущает. Как бы не был я плох, неопишимо плох, какая-то каменная ограда делает меня апатичным. А что впереди? И тот и другой и третий едут на Рождество домой, а я, а я...А что впереди? Свиток Иезекилев - печаль, горе, болезнь. Ноябрь! Ноябрь! Кто спасет меня, кроме смерти? Ноябрь, Ноябрь! Нечаянная радость и вихрь омута. Сон, сон, мои призраки чувств и страсти. Кукла, кукла я и что же будет с ней «по волнам». И в то же время я верю в Иисуса Христа. Misereere! Отзовитесь! Неделю уже мы в селе Токсове.

Понедельник.18/XI.

Просыпаюсь первым и сразу призраки беспощадно, беспощадно, страшно, всецело - Идиот! Идиот! Идиот! А затем все сглаживается, глад покрывает все, как снег. Иду в околосок, иду за молоком, иду со С. на мельницу, распределяю газеты, обедаю, отбираю антикварные книги, читаю "Телля" и уже надвинулись сумерки, своим шафранным рассветом, и я улыбаюсь им единственной улыбкой за день. Ранний ужин, вечер, печка, потемки, одиночество, окаменелость, и стрела, и рана все об одном, всё о том, что я называю горстью перста - о нас, об наших и о себе в каком-то особенном АСПЕКТЕ ИСТИНЫ.

На ночь думаю, что в постели все обдумаю, решу все задачи. Но это не удастся и утром и днем и вечером и почти никаких чувств. А то вдруг хлынут страстные чувства и вновь смеркнут. Ноябрь! Ноябрь!

Сегодня ровно 3 месяца моей службы. Наши ушли в штаб, а я долго переписывал старые книги на полу и от них веяло иным миром.

Вторник 19/IX.

Вечером трудно припомнить, что было днем и так далее. Утром я пошел на станцию с делами. Дорогой составил план праздников. 24 ноября - встану до рассвета, прочту часы, Евангелие, пойду на улицу, соблюду себя в чистоте.

Вернулся в 3. После обеда писал бумажки, снарядили Семенова в Питер. Сумерками читал "Духоборца" Шиллера. Устал. Клонит ко сну. Звуки гитары, строки книги все вызывает бесконечность тайны. Погода мягкая. Много снега. Приходит вдохновение; хочется созерцать мир, который слишком хорош! Это миротворит мою скорбь о себе. В созерцании и вдохновении в печали сумерек, я вдыхаю пепеливы веселого бодрого снега, ирония улаживает чело. Сумерки в нашей деревне, сумерки в твоей, о ноябрь, напоминают мне родной город в моем отечестве, когда тайны театральных масок витали в небе, на домах, на прохожих и извозчиках, в лентах, коричневых лентах санного пути старых улиц.

Когда выбежишь на крыльцо из комнаты, охватывает мягкая зима, светлый ее мрак и деревянные сараюшки. Послезавтра Введение. Скоро Рождество. Ноябрь, Ноябрь! Спаси их, о Ноябрь.

На сон прочел воскресное (17/XI) Еванг. (о Самаритянке и о главных заповедях. Лука) и Апостола о соединении в любви, кротости и терпении.

20/XI среда.

Ночью мало спалось, много виделось. Видел Рождество на чужбине, жалкое подобие елки, которую я устроил - маленькая елка, пять свечей и одна блеска. Папа с презрением говорит, что это такое? Елка! отвечаю я.

Видел большой собор и в нем чужую свадьбу. Невеста поправляет мой френч; я забываю перчатки; когда возвращаюсь за ними, церковный сторож говорит: "Все, кто здесь оставил свои перчатки, ненормальные. Это верный признак."

В щели ящика вижу мышьяная лапка - это мышшь. Пускаю на нее нашу собачку Янку, она берет и несет в какую-то комнату и выпускает. Оказывается, что это не мышшь, а какое-то насекомое с крыльями, с янтарным прозрачным туловищем. Оно начинает летать, янтарь сверкает.

Утром, когда В ушел, я не мог собраться с мыслями. Ходил и думал: Что делать?

Пришли со станции С и В. Началась разборка газет, выдача книг. После обеда, вплоть до сумерек, разбирался в ротных библиотеках, привезенных С.

Настали сумерки. Затопили печку. Стали готовить ужин. Прочел Евангеле. Утрени и дальше до 56 стиха. Вышел на улицу. Хлебнул ноябрьского вина. Уже оно скоро кончится. В ушах звуки всеобщей, в глазах родина, в мыслях Введение во храм и начало моего спасения и спасения всех ВВЕДЕНИЕМ.

"И с этой язвой жив буду", - думаю, входя в комнату.

Вечером дочитал "Духовод" Шиллера.

Один из соблазнов - шкура. Ноябрь! Ноябрь!

Четверг 21.Ноября.ВВЕДЕНИЕ во ХРАМ.

Опять поздно встал. Утренния сумерки минули. Успел только хорошо умыться. Метель и оттепель, ветер. Иду на станцию. Читаю Последования 3го часа. В сумерках обедаем. Затем иду в коллектив, озираясь на божественные сумерки вечера. Метель утихла. Печка исправлена.Переходим в маленькую комнату. Убираемся. Тепло. Читаю "Заговор Фиеско в Генуе".НЕ успел прочесть Евангеле, не успел написать письма в Москву, не успел хорошенько подумать. Все же на душе какая-то чистота, чистота Введения. Как бы сила новая, сила Введения в жизнь. Все окружающее торжественно. На всем печать уломляемая. Вспоминается интронизация. Вспоминаются мои. Слежу за временем и вижу в нем всех моих.

Сохраню ли благодать Введения? Ведь много, слишком много я потерял на своём веку. И вот здесь сохраню ли?

Ноябрь! Ноябрь!

22/XI пятница.

Дел много. Но все трудно делается. Печь, картошка, комплекты, доклад, выдача, списки, бумажки - все это чередуется и мешается с сумерками. Жарко и душно в комнате. Вечер. С уехал в Питер. У нас гостят Петров и Пикулин. Несколько раз выбегаю гулять на ноябрьскую улицу. Она вся в тумане и оттепели. Елки и готическая кирха и деревянные строения тонут в окружности. Я как коза - бегу через мосточек, ухвачу клиновый листочек и алчно, алчно вбираю твоей хмель, о Ноябрь. Кончим I акт "Фиеско".

Видал сон: в каком-то городе мы с мамочкой идем за город в лес и собираем много дров, дров больших и уродливых. Вдруг приходит с разведки Костя и говорит:"зеленые близко. Идти опасно." Я трушу, но храбрюсь и говорю мамочке:"Как нам идти? Не лучше ехать?"Ей все равно. Она задумывается. Я лгу -"Я боюсь, мамочка, за тебя. Лучше мы поедем. Будет безопаснее."А на деле играет роль то, что я сам струсил. И вот мы едем, едем долго, как на траме и подъезжаем к монастырю. Я, как лектор, показываю мамочке все достопримечательности и могилы славных славян - напр.Сковороды.

Хочется писать, хочется продолжать."К ночи" - летний день. Петров рассказывает о военной жизни. Мне все равно.

Перед сном прочел рассказ Бунина "Сны" и попробовал стихи - плохо, какие-то черновые наброски.

Суббота 23 ноября.

Канун мамочкиных именин. Встал поздно, засветло. Разбирал дела, пошел на станцию, пообедал, пошел в коллектив, составил опись книг, поужинал, посмотрел книги Рубакина, Арского, Митина. Вот и весь день, почти буквально.

Дорогой читал Минина - "Религия и коммунизм". Ерунда.

Слышу голоса теней: цыплюшка! Серка, где ты? С некоторым трепетом готовлюсь к завтрашнему дню, к Катеринину дню. Обиход засасывает мою резвость. Ночь. Светло. Днем снег, оттепель, ветер.

Усталостью переносюсь в нашу холодную квартиру и вижу мамочку, худенькую, худенькую от работы и голода и курю, курю, курю. Горит шкалик. Тихо. Похоже на канун, на какой-то канун, на канун Нового года, на канун События. Помоги, Боже, мне принять его достойно.

Воскресенье 24 ноября.

Мамочкины именины. Утро проспал. Проснулся засветло. Помолился Богу с коленоприклонением, торжественно, выпил чаю, прочел Еванг. и Апост., пошел за газетами. Газет не было. Взял продукты для концерта и керосин. Покупаю мамочке 2 открытки. Обратной дорогой прочел песнопенья Введения во Храм, канон Богородице. Обедали пятеро (пришли Петров и Пикулин). После чая в надвигающихся сумерках хватил ноябрьского винца, потягивая папироску и смотря в окно. Но это миг. Пришла толпа народу: пришли музыканты - Степанов, Греков, и др. здешние, пришел Лукатов. Несутся звуки струн. Иду приготовить театр. Темнеет. Публики мало. Иду в театр финский и переманиваю нашу публику к нам. Вечер уже начался, когда я вернулся. Семенов говорит речь. Народу много. Затем начинается концерт. Зал в полумраке; герлянды елок мешаются с красным. Декламирую стихи Арского. Начинаются танцы. Возвращаюсь домой и готовлю печку. Вскоре вернулись наши - 6 чел. и стали готовить ужин и чай. Ужинали в 3 приема, по мере поспевания котелков. В промежутке я в пустой библиотеке писал письма мамочке. Написал 3 письма. На ночь в постели читал "Фиэско".

Весь день, как струна содрагаюсь счастьем мамочкина Ангела. Весь с ней, ежеминутно, с закрытой горечью с закрытой радостью. Носятся отдельные слова. Произношу в воздух: "С Ангелом! С Ангелом! С дорогой имениницей!" и прислушиваюсь. Серка! Серка! Вдумываюсь в имя, в число, в ея время, в ея день, в ея святость и пою: "В березничке горят висюльки. «Цыплюша! Цыплюшка! Морозит. Резкий, мелкий снег. Средние века, ноябрьская лента в ущелье дороги. Эвгат Бриенский, о Раймонде. Я о ней. Я все о святой моей. Иду, закрываю глаза и иду дальше, и, как хороши эти миги. Где я? Кто я? Где ты, о чистая моя? Смерть, где твое жало? Легко принять Апостола "дорожите временем, ибо дни лукавы", легко принять - безрассудное "душа! Ешь, пей, веселись," Ибо вера и надежда возникают ея чистотой, ея соблюдением. Сладок, сладок канон, ибо это ея полотенце "к изголовью сына", "Кротость будет утешена. Иногда возникает вид лилового флера (например, на концерте), но он скоро исчезает и льется, льется музыка. Изящная музыка, сколь изящнее она всего, что здесь. И вот мне кажется, что весь концерт и танцы и вальс - все для праздника моей святой. Упиваюсь минутами музыки,

упиваюсь минутами шума, молчания, речей, ругательств, минутами лиц, силуэтов, стен и гирлянд и аккордов. Нежные, как розы чувства о ней, о ней, о моей святой.

Это второе мое Введение во Храм.

Вспоминается почему-то Ася, которую видел во сне дня два тому назад. Опять хочу ее, опять будто бы я с ней. Это очевидно любовь, если есть она у Снегурочки. Станный пафос любви, мой неамурный амур.

Простите меня все. Как люблю всех - отца моего и братьев моих. Мой отец - кентавр. Но никто его не знает, кроме сына.

Это метель. Это метель моя. Это снег, снег. Это ноябрьское время. Вопию, пою, взываю, глаголю - Ноябрь! Ноябрь! И в этом все мне, весь я о всех моих и о святой моей мамочке.

25/XI понед.

Первый раз встаю до рассвета. Иду на станцию. Темно. Очень хорошо. На обратн. пути, таща сумку с провизией, упиваюсь "Финном" Пушкина, который веет в ландшафтах. Дома - обед, уборка, доклад и т.д. Вавилов уехал, Семенов уехал после обеда. Я один - это богатство.

Уборка. Печка. И т.п.

Устал очень. Читаю "Физэско"(Закт),"Страницу" Ремизова - кошмар. Болит голова. Крошки вчерашнего пирога съели сегодняшней день. Со "Страницей" по ассоциации возникает мамочка. Но не дай ей Бог этого "чистилища".

В моем молчании неужто молчание? Нет, нет. Скоро кончится месяц и будет снег. Но жребий ты, Ноябрь, вынешь - жду его - он за тобой.

26 ноября, вторник.

Один. Утром - станция. Затем распределение, стрепня, и вечер, долгий вечер, когда не знаешь сколько времени. Прочел 4 акт "Фиески", газеты и расск. Бунина "У истока дней" и "Астма" (не весь). Устал и лег спать. Вот и все. Буквально все.

Сегодня тридневен мамочкиного Ангела, мамочкины именины. Еще есть крошка пирога. Бунин верит, что бессмертие - это тайна. Тайна ведь и досознательное детство и зеркало тайны ("У истока дней"). Способ Мэтерлинка.

Вообще Бунин говорит о бессмертии.

Ноябрь спрятался, я замаскирован камнем. А скорбь углей и пламени нашей печки вызывает мой молчаливый, незримый поклон, наполненный скорби и воздыхания. И все стрелки, стрелки во всем - >М и "времени мирного". Жажда! Жажда!

27 ноября, среда.

Снова я один и снова утро и снова иду по зимней дороге на станцию и снова снегурочкина во мне антиномия, ея "и чувства нет" и в то же время -"и слушаешь и таешь".

Обратно едем с С. в санях. Быстрая и хорошая езда, несмотря на холмы, и вот уже зачерствели мамочкины имянины.

Тяжело мне нести самого себя, ибо я тяжел и неподатлив и косен. День сгорает в пустяках. Вечером приезжает В с картошкой. Поздно ночью выхожу на улицу - все залито волшебной луной (это впервые здесь). Неописуемо красиво. Большия елки и деревья около кирки, похожей на замок, сверкают, как рождественская ночь в "Щелкунчике". В Ноябре как бы промелькнули святки. Такой чистоты, такой нарядности я не видел. "Лилии полевые" и "одежда Соломона". И как мне тепло воспоминаниями праздника и моей мамочкиной скорбью.

Еще немного осталось вина, а я и в ус не дую. Тысячи сказок мерцают во всем. и снова вхожу в комнату, будто вхожу в другой мир, а та, как будто бы светлая окружность - царевна за тридевять земель.

Четверг 28/XI

Весь день пишу клубные списки. Холодно. Мороз. Солнце. Часто выбегаю на улицу и каждый раз бегаю по улице, бегаю на улицу и каждый раз все по новому - новые колориты - то все в розовом, то в пепельном, то в желтом, в сером, в голубом. Этот день и та ночь две жемчужины. Долго буду их помнить. Вечером и ночью долго работал. Устал. Завели граммофон, а я лежал. Звуки сами по себе в этой темнице хороши.

Декабрьский уже стиль. О, Ноябрь, о мой Ноябрь, тайны в тебе. Узник я. "Счастливым" я называться не смею.

Кончил "Фиеско". Читал Бунина ("Астма").

На сваях постройка. Деревья острижены. Все новое. Я один стар, но это ничего. Ничего не боюсь. "Рыцарю бедному" ничего не страшно.

Пятница.29 ноября.

Фарфоровый день. Хрустальны тени и Золушка оставила следы на дороге. Солнце светит. Равнины блестят. В розовом прозрачном тумане белыя, серыя, голубыя, розовыя, оранжевыя, черныя, синия ветки деревьев. Слишком красиво. Слишком нарядно. А детали. А холмы. Все убрано. Все приготовлено. Приготовлен обед на драгоценном фарфоре, на чистом хрустале. Сделаны цветы из глазури, сделаны игрушки и твердь. Малейшая ветка, малейшая палка, ствол - все, все, все стройно, все закономерно и мощно закончено. Все, кроме человека, имеющего нечто другое в обмен. Обмен этот не доказывает ли бессмертия?

Шел я новой тропинкой и думал все это созерцая.

30 ноября, суббота. Андрея.

Ноябрь! Ноябрь! Последний день. Крышка снята. Журавли
обрезаны. Светло и пусто. Но весь фарфор, все богатство как
бы кичится своей мощью. Когда идем вечером в баню и несем
зажженую лампу по улице, обступают нас серебряные
жемчужные существа. Первозданно горят звезды. Все мирно.
Все спит. Весь сплю.

И вдруг крик: НОЯБРЬ! НОЯБРЬ!
Седые брови. Тяжелый Тяжелый век, тяжелые нравы.
Вспоминается Пушкин.

Текст подготовила Елена Григорьева.